

DOI: 10.31857/S086919080017794-0

КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ТИП И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЛИК КИММЕРИЙЦЕВ (КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

© 2021

С.Б. ВАЛЬЧАК ^{a, b}^a – Институт археологии РАН, Москва, Россия;^b – Российский Государственный социальный университет, Москва, Россия^{a, b} – ORCID: 0000-0002-9573-5928; valchaks@yandex.ru

Резюме: В статье рассматриваются различные мнения по «киммерийской проблеме», изложенные в русскоязычной научной литературе XX – начала XXI вв. Особое внимание уделяется историографии вопроса о культурно-хозяйственном типе киммерийцев и подходу различных исследователей к его определению. В качестве особо значимых для понимания эволюции научного знания о киммерийцах выделены точки зрения В.А. Городцова, Е.И. Крупнова, А.А. Иессена, Б.Н. Гракова, Л.А. Ельницкого и А.И. Тереножкина. Среди современных исследователей уделяется внимание гипотезам А.Ю. Алексева и А.И. Иванчика, считающих материальную культуру и время существования киммерийцев и ранних («древних») скифов очень близкими, если не полностью тождественными. Вместе с тем отмечаются гипотезы В.Р. Эрлиха и Т.М. Кузнецовой, которые принципиально отличаются от предыдущих в понимании археологического облика, культурно-хозяйственного типа и хронологии киммерийцев. Автор поддерживает гипотезу Т.М. Кузнецовой о недостаточной аргументированности утверждения о киммерийцах-кочевниках, так же как и гипотезу В.Р. Эрлиха об отождествлении с киммерийцами археологических памятников классического новочеркасского этапа предскифского периода, который отличается своеобразным и массовым комплексом конского снаряжения и вооружения воинов-всадников. В широком хронологическом диапазоне эти памятники могут быть датированы не ранее последней четверти VIII в. до н.э. и, вероятно, не позднее середины VII в. до н.э. Горизонт немногочисленных памятников «жаботинского типа» на юге Восточной Европы, который не имеет местного субстрата, считается принадлежащим ранним скифам не ранее конца первой четверти VII в. до н.э., т.е. еще до начала их походов в Закавказье и страны Передней Азии в VII в. до н.э.

Ключевые слова: Киммерийцы, предскифский период, историография, культурно-хозяйственный тип, археологические памятники, Восточная Европа, Закавказье, Передняя Азия.

Для цитирования: Вальчак С.Б. Культурно-хозяйственный тип и археологический облик киммерийцев (краткий историографический обзор). *Восток (Oriens)*. 2021. № 6. С. 19–37. DOI: 10.31857/S086919080017794-0

CULTURAL AND ECONOMIC TYPE
AND ARCHAEOLOGICAL APPEARANCE OF THE CIMMERIANS
(A BRIEF HISTORIOGRAPHICAL REVIEW)

© 2021

Sergey B. VALCHAK^{a, b}^a – Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia^b – Russian State Social University, Moscow, Russia^{a, b} – ORCID: 0000-0002-9573-5928; valchaks@yandex.ru

Abstract: *The article discusses various opinions related to the solution of the “Cimmerian problem”, set out in the Russian-language scientific literature in the period of the 20th – beginning of the 21st centuries. Special attention is paid to the historiography of the question of the cultural and economic type of the Cimmerians and the approach of various researchers to its definition. The author also considers the question of the material culture of the Cimmerians and the archaeological sites associated with them, their interpretations and various hypotheses proposed at different times by researchers of the archeology of the Early Iron Age, chronological concepts. The author supports the hypothesis of T.M. Kuznetsova about the insufficient argumentation of the statement about the Cimmerians-nomads and the hypothesis of V.R. Erlikh about the identification with the Cimmerians of archaeological sites of the classical Novocherkassk stage of the pre-Scythian period, which is characterized by a peculiar and massive complex of horse equipment and weapons of soldiers-riders. In a wide chronological range, these sites can be dated no earlier than the last quarter of the 8th, and probably no later than the middle of the 7th century BC. The horizon of the few monuments of the “Jabotinsky type” in the south of Eastern Europe, which does not have a local substrate, is considered to belong to the early Scythians no earlier than the end of the first quarter of the 7th century, before the beginning of their campaigns in Transcaucasia, the countries of Near Asia in the 7th century BC.*

Keywords: *Cimmerians, Pre-Scythian period, early Scythians, historiography, cultural and economic type, archaeological sites, Eastern Europe, Transcaucasia, Western Asia.*

For citation: Valchak S.B. Cultural and Economic Type and Archaeological Appearance of the Cimmerians (a Brief Historiographical Review). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 6. Pp. 19–37. DOI: 10.31857/S086919080017794-0

Киммерийцы как один из первых народов, упоминаемых в сочинениях античных авторов, известны всем исследователям эпохи позднего бронзового – начала раннего железного века. Им посвящен огромный пласт исторической и археологической литературы. Тем не менее даже в настоящее время у исследователей не сложилось единого мнения по вопросам о месте изначального проживания, этническом происхождении, типе хозяйства и материальной (археологической) культуре этого народа. Стремление многих исследователей-археологов прошлых лет «привязать» какую-либо археологическую культуру или группу памятников к историческим киммерийцам привело к различным не согласующимся между собой концепциям и созданию «археологических мифов». Мифы эти часто становятся парадигмой и опосредованно влияют на интерпретацию памятников у современных археологов.

Гипотеза об изначальном проживании киммерийцев в Восточной Европе, а именно в Северном Причерноморье, более 100 лет господствует в русскоязычных археологических

статьях и монографиях. Основана эта гипотеза в первую очередь на сведениях наиболее ранних греческих авторов и Геродота.

Геродот описывал связанные с киммерийцами события не менее чем через 250 лет после их появления. Хотя его сообщения и могут отражать некогда существовавшую реальность, каких-либо точных дат в них ожидать, разумеется, не приходится. В связи с этим обстоятельством, следует упомянуть логически точное и справедливое замечание М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского о том, что «приписываемое Геродотом понятию “киммерийцы” содержание оказывается производным от современного ему содержания понятия “скифы”¹», именно это последнее оказывается точкой отсчёта при определении объёма первого» [Погребова, Раевский, 1992, с. 48, 49]. Действительно, все сведения Геродота о киммерийцах и ранних скифах в его время уже были мифологизированы, а приводимые им сведения являются ретроспекцией привычных для его же времени реалий.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ О ПРАРОДИНЕ КИММЕРИЙЦЕВ И ТИПЕ ИХ ХОЗЯЙСТВА

Перечисленные вопросы настолько переплетаются в концепциях различных исследователей, что рассматривать их удобнее не по отдельности, а ориентируясь на воззрения каждого из авторов, которые определялись имеющимися в его время археологическими материалами. При рассмотрении проблемы соотношения письменных и археологических источников о киммерийцах и скифах многие исследователи на протяжении более чем ста лет специально или же вскользь затрагивали вопрос о типе их хозяйства. Вопрос этот весьма важен, поскольку от его решения зачастую зависело отождествление материального комплекса той или иной археологической культуры, или же конкретного памятника с названными древними народами. Традиционно и повсеместно к настоящему времени в археологической литературе доминирует парадигма о киммерийцах и ранних скифах как о кочевых народах (номадах), последовательно проживавших в степной зоне юга Восточной Европы.

Вопрос о хозяйственном типе киммерийцев и его освещении, как в исторических источниках, так и в археологической литературе, подробно рассмотрен Т.М. Кузнецовой, что избавляет меня от комментирования целого ряда древних источников, концепций исследователей и излишних повторений. Исследовательница привела достаточно веских аргументов против кочевнического характера исторических киммерийцев, заметив, что, «к сожалению, не удалось получить точный ответ на вопрос о том, когда в современной историографии зарождается традиция восприятия киммерийцев как кочевников» [Кузнецова, 2007, с. 211]. Мне представляется, что аналитический обзор Т.М. Кузнецовой можно дополнить и, в частности, предложить также варианты ответа на поставленный ею вопрос, ещё раз обратившись к некоторым обобщающим работам российского дореволюционного, советского и современного периодов.

В первой половине XX в. памятники эпохи бронзы и железа, согласно предложенной В.А. Городцовым периодизации древностей (каменный, бронзовый и железный века), были ещё недостаточно исследованы количественно – это был этап накопления сведений об археологических комплексах, что существенно ограничивало возможности исследователей в вопросах культурного определения памятников и построения внутренней, более дробной, периодизации. Памятники собственно скифского времени, относящиеся к эпохе железа, напротив, отделялись от бронзовой эпохи достаточно чётко благодаря своему специфическому и уже понятному исследователям материалу (Мельгуновский курган, курганы

¹ Здесь и далее везде курсив мой. – С.В.

Келермеса и некоторые другие). Следовательно, поиски киммерийских древностей велись среди известных тогда поздних находок бронзового века (как антитеза скифским), которые были выделены В.А. Городцовым в срубную культуру. Прародину киммерийцев В.А. Городцов видел в Средней Азии, «откуда они с незапамятных времён подвинулись в русскую степь и заняли северное побережье Чёрного моря, от устья Кубани до устья Днестра или даже Дуная» [Городцов, 1910, с. 341]. Данная гипотеза появилась в тот период развития археологической науки, когда, как писал В.А. Городцов, «к крайнему сожалению, до настоящего времени, изучением киммерийских памятников серьёзно никто не занимался, и они остаются покрытыми мраком полной неизвестности» [Городцов, 1910, с. 343]. В более позднем исследовании он также считал киммерийцев пришельцами, владевшими «областью между Западной Европой и Кавказом» и, что «главной основой их быта служило скотоводство» [Городцов, 1928, с. 49–53], но не кочевничество, которое не является тождественным ему понятием [Вайнштейн, 1989]. В.А. Городцов считал киммерийскими и некоторые формы различных категорий находок эпохи поздней бронзы, в том числе и бронзовые серпы – безусловный показатель культур оседлого, земледельческого хозяйственного уклада [Городцов, 1928, с. 49–53].

Что касается «киммерийских древностей», то раскопанное Городцовым в 1901 г. погребение с бронзовым уздечным набором в кургане у д. Черногоровки Изюмского уезда Харьковской губернии (ныне г. Северск Бахмутского района Донецкой области, Украина), ставшее затем эпонимным для степной предскифской культуры, сам автор раскопок ни в одной из своих работ никогда не отождествлял с «киммерийскими памятниками». В первой публикации исследователь посчитал, что найденные им удила были «скифского типа» [Городцов, 1905(2), с. 242]. Тем не менее он тут же отчётливо обозначил свои сомнения: «Весь набор является вполне характерным для скифской культуры железной эпохи и нами эти вещи, равно как и другие, добытые в том же кургане были сначала отнесены к названной эпохе, но, по более серьёзному обсуждению, их пришлось присоединить к общей группе погребений в насыпях и на горизонте бронзовой эпохи, *в уверенности, что в будущем*, при развитии знакомства с культурой описываемых погребений, их все *придётся перенести к железной эпохе*, но в настоящее время для этого не получено вполне достаточных оснований» [Городцов, 1905(1), с. 207].

М.И. Ростовцев, абсолютно не сомневаясь в кочевническом характере скифского хозяйства, опять же, основываясь на сведениях Геродота, ничего подобного не говорит о киммерийцах, отводя им, «пришельцам», побережье Азовского моря. Он не связывает их с какими-либо археологическими памятниками, но замечает, что «ровно ни на чём не основано отождествление с киммерийцами погребений со скорченными и окрашенными костяками, обычное среди археологов, занимающихся прошлым юга России», определённо имея в виду работу Д.Я. Самоквасова «Могины Русской земли» 1908 г. [Ростовцев, 1918, с. 26–39; 1925, с. 304–309].

Оригинальной, но не жизнеспособной оказалась гипотеза М.И. Артамонова, отождествлявшего киммерийцев со степной, кочевой катакомбной культурой эпохи средней бронзы [Артамонов, 1950, с. 46, 47; 1974, с. 23–64], с чем были согласны и некоторые другие ученые [Смирнов, 1966, с. 34–41].

Соглашаясь с предыдущими исследователями, Б.Н. Граков в середине XX в. не сомневался в обитании киммерийцев в «черноморских» «украинских степях», связывая с ними и некоторые степные поселения эпохи поздней бронзы (конца 2-го тыс. до н.э.), но не отрицая при этом наличия у *части* киммерийцев *кочевого скотоводства* [Граков, 1947, с. 14–18]. Исследователь считал невозможным «изъять киммерийцев, вопреки Геродоту и другим источникам, из приазовских и крымских степей», возражая одновременно против отождествления с ними кобанской культуры Кавказа [Граков, 1977, с. 106–109].

Дело здесь в том, что, анализируя раскопанные в 1948 г. погребения кобанской культуры Северного Кавказа на могильнике Каменноостский в Кабарде, Е.И. Крупнов, пожалуй, впервые в советской археологической литературе определённо, хоть и очень осторожно, предложил синхронизацию некоторых археологических комплексов этой культуры с историческими киммерийцами. Он считал, что в некоторых памятниках «наблюдается скрещение более древних культурных черт кобанской (горной) и киммерийской (степной) культурных черт в их вырождающихся формах, осложнённых уже взаимосвязями со скифской, древнетаврской, меотской и другими культурами нашего Юго-Востока, в том числе и с Закавказьем урартского времени». Исследователь датировал эти памятники рубежом VIII–VII вв. до н.э. [Крупнов, 1950, с. 259, 263, 268, 272, 273]. Кобанская культура справедливо рассматривалась им как оседлая с комплексным типом хозяйства, вероятно, практикующим и отгонное (яйловое) скотоводство, *но не номадизм*. Степная же киммерийская культура, судя по всему, в понимании Е.И. Крупнова олицетворялась впускными погребениями в степные курганы эпохи бронзы Черногоровки, Малой Цимбалки и Камышевахы, содержавшие детали конского снаряжения и вооружения, считавшиеся принадлежащими кочевникам [Крупнов, 1950, с. 265]. Важно в выводах исследователя то, что эта неустойчивая и довольно эклектичная идея впервые позволила объединить культуры, различные территориально и по типу хозяйства, в определённый пласт (горизонт) памятников самого начала раннего железного века.

Неустойчивость гипотезы Е.И. Крупнова выразилась в том, что несколько позже он поддержал мнение многих исследователей, в том числе и В.А. Городцова, о принадлежности киммерийцам памятников срубной культуры эпохи поздней бронзы и посчитал, что «походы киммерийцев, и не только на юг, но и на запад, совершались и позднее, вплоть до VII в. до н.э., непосредственно уже смыкаясь с походами скифов», что киммерийцы «безусловно являлись доскифским населением нашего *степного юга* и что исходной областью их походов в Переднюю Азию всегда являлось северо-восточное Причерноморье, точнее – побережье Меотиды» [Крупнов, 1958, с. 177, 179]. Но, уже учитывая результаты работы А.А. Иессена (см. ниже), Е.И. Крупнов подтвердил свой более ранний тезис о принадлежности киммерийцам и целого ряда категорий вещей, характерных для кобанской культуры, особенно деталей конской узда. «С ещё большим удовлетворением мы отмечаем, – писал этот исследователь, – хотя и выраженную с присущей автору (А.А. Иессену. – С.В.) излишней осторожностью, склонность *все* рассмотренные им ... памятники связывать с киммерийцами» [Крупнов, 1958, с. 180–190], чего, как будет показано ниже, А.А. Иессен и не делал. Е.И. Крупнов был уверен, что «в рассматриваемое нами время (начальные столетия I-го тыс. до н.э. – X–VIII вв. до н.э.) южнорусские степи населяли творчески богатые и *очень подвижные племена*, создавшие своеобразную культуру, названную киммерийской» [Крупнов, 1958, с. 190].

Примерно в это же время Л.А. Ельницкий, рассмотрев известный тогда корпус греческих и ассирийских источников и отметив, что «восточные источники предполагают совместное существование обеих (киммерийской и скифской. – С.В.) культур в VII в. до н.э. и их мирные или враждебные взаимоотношения», высказал сомнение: «не является ли вообще локализация киммерийцев греческими писателями в причерноморских степях, на территории, занятой скифскими и фракийскими племенами, результатом воздействия на них мифической географии ионийского эпоса» [Ельницкий, 1949, с. 15, 22]. Исследователь заключил, «что племена эти, судя по их положению и по отношению к урартийцам и медам (мидянам. – С.В.), должны были занимать северные области Кавказа, а может быть, также и примыкавшие к нему непосредственно степные пространства», связав их с памятниками кобанской археологической культуры [Ельницкий, 1949, с. 23], имеющей, как мы знаем, вовсе не кочевнический характер.

Взгляды Л.А. Ельницкого эволюционировали с течением времени. Намного позднее он пришел к выводу, что рассмотренные им «обстоятельства позволяют видеть в киммерийцах, так же как и в скифах, появившихся в Передней Азии в VIII–VII вв. до н.э., восточно-иранские племена, проникавшие в Северо-Западный Иран и Прикавказье из закаспийских степей», определённо считая их «*конными кочевниками*» [Ельницкий, 1977, с. 27, 45, 47, 57, 58]. Замечу, что о степях Восточной Европы в этой работе исследователь речи не ведёт. При этом, опять же учитывая мнение А.А. Иессена и других археологов 1950–1970-х гг., исследователь высказал соображение, что «ни ассирийские, ни даже греческие источники *не дают почувствовать культурной и этнической разницы* между киммерийцами и скифами: и те и другие – *всадники*, вооруженные луками, копьями, мечами» [Ельницкий, 1977, с. 26, 36]. Явно здесь то, что между терминами «конные кочевники» и «вооруженные всадники» исследователь, к сожалению, различия не видел.

Абсолютно не сомневался в принадлежности степных предскифских памятников кочевникам-киммерийцам А.И. Тереножкин, разделивший их на две хронологические ступени – черноморовскую и новочеркасскую [Тереножкин, 1976, с. 7–23].

Достаточно сложна для обобщённых комментариев концепция Н.Л. Членовой, которая выделяла карасукско-киммерийскую общность как составную часть памятников Евразии начала раннего железного века. Территорию проживания киммерийцев исследовательница связывала с различными географическими регионами юга Восточной Европы (что подразумевает и различные культурно-хозяйственные типы), считая, что собственно киммерийцам принадлежали памятники выделенной ею каменноостской культуры Северного Кавказа [Членова, 1984, с. 3–5, 74–81]. Необходимо отметить, что практически все памятники этой культуры ранее были отнесены к оседлым протоиранской и кобанской культурам, которые тем не менее на протяжении нескольких столетий (с IX в. до н.э.) имели в своём составе высокоразвитый воинско-всаднический комплекс, а следовательно, и соответствующую ему социальную группу населения.

На сегодняшний день локализацию исторических киммерийцев на просторах юга Восточной Европы поддерживает достаточно большое количество исследователей. Киммерийцев периода походов в Закавказье и Переднюю Азию отождествляют с воинскими погребальными комплексами классического (позднего) этапа новочеркасского периода, преимущественно распространёнными в различных ландшафтных зонах Северного Кавказа, лесостепи Украины и юга России, в меньшей степени – в степной зоне. При этом практически все исследователи отмечают факты длительных и разнообразных по характеру и интенсивности контактов кочевого степного населения (черноморовской культуры) с оседлыми культурами лесостепи (чернолесской) и Северного Кавказа (протоиранской и кобанской) при производственной доминанте последних [см. напр.: Эрлих, 1994(1), с. 168–175; 1994(2), с. 83–123; 2007, с. 174–187; Дударев, 1999, с. 143–179; Скорый, 1999, с. 66–79; Вальчак, 2009(1), с. 92–97; 2018, с. 141–144].

ПРОБЛЕМА ТОЖДЕСТВА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КИММЕРИЙЦЕВ И СКИФОВ: ИСТОРИОГРАФИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ

Рассмотренное выше предположение Л.А. Ельницкого [1977] и некоторых других исследователей, вероятно, восходит к констатации В.А. Городцовым ещё в 1910 г. того факта, что «ассирийцы и персы *смешивали* киммерийцев со скифами и саками (среднеазиатскими скифами); от скифов часто не отличали киммерийцев и греки». «Древние греки, – писал далее В.А. Городцов, – ассирийцы и персы, близко знавшие киммерийцев, или не разли-

чали их, или смешивали их с ними. Так как этот факт указывает на отсутствие резкой разницы и в бытовой обстановке этих народов, то нужно полагать, что киммерийские памятники, *если только они имеются* в наших собраниях, *скрываются в одной массе со скифскими*» [Городцов, 1910, с. 342, 344]. При этом, ссылаясь на греческих авторов и отводя киммерийской культуре период от начала XI до VII в. до н.э., В.А. Городцов стремился выделить элементы материальной культуры собственно киммерийцев: в частности, он отнёс к киммерийской культуре лепную керамику с белой инкрустацией из курганов и зольников на лесостепных поселениях, т.е. сосуды с рельефным орнаментом, в котором использовалась некая минеральная составляющая белого цвета. Анализируя имевшийся тогда материал Бельского городища в лесостепной зоне Украины, В.А. Городцов заметил, что «в зольниках, содержащих в более значительных количествах обломки инкрустированной керамики, греческие сосуды и их фрагменты совершенно отсутствуют, что может указывать на время, *предшествующее появлению в южной России греческих колоний*, а вместе с тем и *скифов, вторжение которых в южно-русские степи совершилось не ранее первых*» [Городцов, 1910, с. 342, 345]. Это, во многом интуитивное, но базовое и ключевое понимание В.А. Городцовым последовательности культурного соотношения древностей Северного Причерноморья и всего юга Восточной Европы в начале раннего железного века, фактически осталось незамеченным специалистами по раннескифской археологии во второй половине XX в.

Анализу взглядов исследователя была посвящена специальная работа И.В. Яценко, отметившей, что данная гипотеза В.А. Городцова была попыткой «отделить от архаических скифских древностей предскифские». И.В. Яценко справедливо посчитала такую попытку выделения «малого набора» предскифских вещей, не привлекавшую внимания более поздних исследователей, «преждевременной», поскольку «во время появления этого набора (в поле зрения археологов. – С.В.) архаический период скифской культуры только начал изучаться» [Яценко, 1996, с. 60–66].

Из представленного обзора нетрудно заметить, что со второй половины XX в. в историографии вопроса о киммерийцах и их материальной культуре многие исследователи учитывали результаты исследований А.А. Иессена. Следует подробнее остановиться на работах этого учёного, не утративших своего значения и сегодня.

Отождествление киммерийцев – наряду со скифами – с кочевниками было декларировано А.А. Иессеном в статье, посвящённой изучению металлических деталей конской сбруи Восточной Европы и в опубликованном чуть позднее докладе на конференции ИИМК 1952 г. [Иессен, 1953; 1954]. Здесь исследователь поддержал уже сложившееся мнение предшественников, но впервые наполнил его содержанием добротным анализом археологических находок, отличающихся от традиционно понимаемых как «скифские», в первую очередь – деталей конской узда. Известно, что А.А. Иессен изучал коллекции музеев юга европейской части СССР ещё в 1930-х гг., о чём не могли не знать его современники – Б.Н. Граков, Е.И. Крупнов, Л.А. Ельницкий и другие исследователи, очевидно, знакомые с его соображениями, выступлениями и публикациями. А.А. Иессен писал: «При подходе к датировке древнейших металлических удили Северного Кавказа и Причерноморья следует помнить, что в странах Передней Азии *орды северных племён*, частично, несомненно, связанных с территорией, занимающей нас в настоящей работе, появляются *как конные воины, как кочевники*, в полной мере освоившие коня как средство передвижения. Нет никаких сомнений, что *как киммерийцы*, отмечаемые в ассирийских источниках ещё в VIII в., *так и скифы*, впервые упоминаемые в начале VII в., ещё у себя на родине, до начала своих южных походов на страны Древнего Востока, владели конём» [Иессен, 1953, с. 102, 103]. Исследователь был справедливо уверен, «что освоение коня в качестве верхового живот-

ного и следующий за ним, или параллельно с ним совершающийся, крупнейший сдвиг в хозяйственном развитии многих *степных племён* в сторону перехода от оседлости к *кочевому* или полукочевому скотоводческому хозяйству произошли лишь в начале последнего тысячелетия до н.э., с чем вполне согласуется и вещественный археологический материал» [Иессен, 1953, с. 103]. В цитируемых строках хорошо заметно восприятие А.А. Иессеном киммерийцев и скифов как представителей именно степных «орд северных племён», упомянутых в переднеазиатских документах и изначально проживавших на юге Восточной Европы, а употребляемые в их отношении понятия «конные воины» и «кочевники» рассматриваются как равнозначные. И уж совсем определённо звучит вывод в другой статье: «Я не думаю, чтобы правы были те исследователи, которые присваивают киммерийцам собственно кобанскую горную культуру. *Киммерийцы* не вышли из гор, это *степняки и кочевники, насколько мы знаем их по письменным историческим источникам*» [Иессен, 1954, с. 131]. Более чем очевидно, что этот тезис А.А. Иессена – часть дискуссии о ранних концепциях Л.А. Ельницкого и Е.И. Крупнова. То, что сейчас эти известные всем «письменные исторические источники» не дают ни малейшего основания для подобного заключения, убедительно показало исследование Т.М. Кузнецовой [Кузнецова, 2007, с. 209–234].

Высказанное А.А. Иессеном предположение подробнее раскрывается, когда он пишет, что, «таким образом, несколько уточняются наши представления о хронологии памятников раннескифского времени, обычно в археологическом отношении именуемого нами негативно “доскифским” или “предскифским”». До некоторой степени заполняется тот пробел в наших знаниях, который зияет в отношении памятников VIII–VII вв., когда юг нашей страны *бесспорно* был обитаем *киммерийскими* и скифскими племенами – племенами, вполне освоившими коня, стоявшими уже на начальных этапах ступени военной демократии и совершавшими в это именно время свои походы в Переднюю Азию, способствовавшие падению древних государственных образований Урарту и Ассирии». Далее исследователь уточняет: «Несомненно, что киммерийцы, упоминаемые в письменных источниках, так же как и скифы, находились примерно на одной и той же ступени развития. И киммерийские, и скифские племена существовали на нашем юге, причём, вероятно, *руководимое киммерийцами крупное объединение различных племён* сменилось объединением под главенством скифов» [Иессен, 1953, с. 109]. Тем самым исследователь постулирует тождество хозяйственного (кочевое) и социально-культурного развития киммерийцев и ранних скифов, а также комментирует и известную по письменным источникам хронологическую последовательность древностей, соответствующих этим народам на юге Восточной Европы.

Но А.А. Иессену именно вопрос о хронологической последовательности не позволил решить полностью количественное состояние и уровень (качество) исследованности известных тогда артефактов, большая часть которых были случайными находками или происходила из крайне посредственно раскопанных в конце XIX – начале XX в. археологических комплексов. Исследователь предлагает, хоть и очень осторожно, серию довольно непоследовательных умозаключений: «Мы хотели на узком круге источников показать, что эта культура (скифская. – *С.В.*) закономерно выросла из культуры предшествующих столетий, по меньшей мере двух – VIII и VII вв. до н.э., что резкий перелом в хозяйстве и быту населения нашего юга произошел раньше появления известных нам богатых погребений “скифских” племенных вождей», после чего следует абсолютно противоречивый вывод: «следовательно, период VIII–VII вв. мы вполне можем считать начальным этапом в развитии скифской культуры в широком понимании этого термина. Такое понимание, однако, ни в какой мере не предreshает вопроса о принадлежности той или иной группы упомянутых нами памятников собственно скифам или киммерийцам или каким-либо иным племенам» [Иессен, 1953, с. 109].

Не подлежит сомнению, что при написании статьи вдумчивый и опытный исследователь-аналитик, каким являлся А.А. Иессен, ставил перед собой задачу разделения известных ему археологических памятников и артефактов хронологически, как и отождествления их с теми или иными упомянутыми народами древности. Как уже было сказано, состояние материала сделать этого не позволяло, но попытка А.А. Иессена была тогда одной из первых в отечественной археологии. Отсюда и обтекаемые финальные выводы цитируемой статьи, которые также следует привести полностью: «Можно думать, что и скифские, и собственно киммерийские племена в VIII–VII вв. *обладали чрезвычайно близкой культурой*, так же как и в VI–III вв. так называемая скифская культура была достоянием не одних только скифов, но и ряда нескифских племён. Выделить среди памятников VIII–VII вв. и более раннего времени собственно киммерийские памятники можно будет только тогда, когда станет ясной карта распространения этнокультурных групп древнего населения всего нашего юга для этого времени. Сейчас, пока мы склонны все памятники X–VII вв. относить к киммерийцам, мы должны помнить, что в составе искусственно конструируемой таким путём единой “киммерийской” культуры неизбежно будет включена и культура собственно скифских племён на ранних её этапах» [Иессен, 1953, с. 110]. Нетрудно заметить, что данный вывод принципиально противоположен сведениям древнегреческих письменных источников о пришлое характере ранних скифов на территории Восточной Европы.

Как считал А.А. Иессен, близость форм удил и псалиев «свидетельствует о тесных культурных взаимосвязях Северного Кавказа с Подунавьем на рубеже бронзового и железного веков. Связи эти вовсе не обязательно должны мыслиться как результат *киммерийского нашествия с Кавказа* на Северное Причерноморье и Венгрию в конце IX в. до н.э.» [Иессен, 1953, с. 75], – нашествия, которое вполне справедливо, на мой взгляд, и предполагали некоторые средневропейские исследователи в 1-й пол. – сер. XX в.

Именно обозначенные выше аспекты концепции А.А. Иессена [Иессен, 1953, с. 103–110; 1954, с. 129–131], которые при недостаточно критическом отношении к их содержанию в дальнейшем стали восприниматься как постулаты и парадигма предскифской и раннескифской археологии, породили целый ряд «археологических мифов» и «штампов». Одним из таких мифов или штампов стала глубоко укоренившаяся точка зрения о кочевом типе хозяйства киммерийцев и ранних скифов. Как уже говорилось, только в сочинении Геродота упоминаются «скифы-кочевники» – применительно к ранним скифам. Это факт, но его принятие или неприятие зависели и зависят только от допущений, которые постулируют в своих концепциях различные современные исследователи.

Исследователи-этнографы определяют *кочевничество* (номадизм) как «формы хозяйства и быта, в основе которых лежит экстенсивное скотоводство с сезонным перемещением населения и стад скота» [Вайнштейн, 1989, с. 72], что и определяет его хозяйственный тип [Марков, 1976, с. 9].

Исходя из проанализированных Т.М. Кузнецовой древнегреческих и древневосточных текстов [Кузнецова, 2007, с. 223–232], нет никаких оснований рассматривать киммерийцев первой волны (714 г. – начало VII в. до н.э. [Алексеев, 1992, с. 28, 29]) в Закавказье и Передней Азии как кочевников. Они выступают только как достаточно подвижное войско (не факт, что постоянно единое, а не отдельные его группы) с неизвестной нам стратегией и тактикой, но не имеющее никакого собственного хозяйства ни кочевого, ни оседлого. Это относится и к первой волне киммерийской экспансии, и к ранним скифам. Главный способ их материального самообеспечения – присвоение чужой собственности. Для обозначения таких неизвестных нам по количеству и этническому составу групп вооруженных воинов-всадников лучше всего подходят несколько модернистские термины: *орда* [Иессен, 1953, с. 102], *дружина* [Махортых, 1987, с. 166] или *банда* [Вальчак, 2009(1), с. 94]. Только

со времени правления Ашшурбанапала (Ашшубанипала) – 668 – около 631 гг. до н.э. – у некоторых «переднеазиатских киммерийцев», может быть, и появилась тенденция к оседанию на поселениях в контролируемых ими и других областях, в качестве инкорпорированных в местную среду союзников или пленников [Кузнецова, 2007, с. 212, 228–232].

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КИММЕРИЙЦЕВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ (ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ)

В прошедшие три десятилетия в историографии киммерийской проблемы вновь получила распространение ещё одна (далеко не новая, как было показано выше) гипотеза, суть которой заключается в полном тождестве материальной культуры киммерийцев и ранних скифов, а следовательно, и их полной синхронизации во времени [Алексеев, 1992, с. 75–91; Алексеев и др., 1993, с. 81–86; Иванчик, 2001, с. 281–283]. На мой взгляд, данная гипотеза связана с идеей А.А. Иессена о «чрезвычайно близкой» культуре киммерийцев и скифов (см. выше). Базис этой гипотезы – практически полное отсутствие находок характерных для предскифских черноморовских и новочеркасских памятников Восточной Европы в Закавказье и Передней Азии, которые обычно считаются киммерийскими [Тереножкин, 1976].

В отличие от А.Ю. Алексеева, А.И. Иванчика и некоторых других исследователей, мы не считаем решающим аргументом отсутствие в Закавказье и Передней Азии археологических свидетельств пребывания предскифских (киммерийских) воинских коллективов (комплексов с соответствующими восточноевропейским памятникам находками). Логично предположить, что на таких кратковременно завоеванных территориях захватчики постарались бы замаскировать могилы своих соратников, чтобы их не осквернили враждебно настроенные местные жители. Примером тому может служить случайное обнаружение гробницы (кенотафа?) с конскими захоронениями в культурном слое при раскопках акрополя более раннего поселения в Норшун-Тепе [Hauptmann, 1983, S. 253, Abb. 1, Taf. 54; 55].

Основываясь на сведениях письменных источников, современные исследователи не рассматривают военные действия первой волны киммерийцев как завоевание какого-либо региона; в источниках также нет сведений о штурмах укрепленных населённых пунктов, поэтому действия киммерийцев трактуются как набеги с целью грабежа [Кузнецова, 2007, с. 212]. Именно об этом, весьма существенном обстоятельстве в тезисной форме некогда высказалась И.Н. Медведская. Не разделяя полностью хронологическую концепцию и исторические реконструкции И.Н. Медведской, но, абсолютно соглашаясь с ней в конкретном вопросе, считаю возможным процитировать полностью абзац из её работы: «Немецкие исследователи продолжают считать главными виновниками гибели урартских крепостей киммерийцев и скифов. Однако сохранившиеся в источниках этого времени сведения о номадах (здесь мы видим вновь полное и ошибочное отождествление конных воинских отрядов и кочевников. – С.В.) делают маловероятным штурм ими этих крепостей. Они *не могли их взять и не нуждались в этом*: завоевание и разрушение крепостей необходимо тем, кто ведёт тотальное завоевание территории. Эти крепости не могли служить преградойномадам, ибо к этому времени они распространились далеко за пределы этого региона. К тому же при Русе II урарты не только не враждовали с киммерийцами, но и действовали совместно с ними» [Медведская, 1998, с. 62]. В связи с этим стоит вспомнить и уцелевший при штурме около 664 г. до н.э. акрополь Сард в Лидии [Hdt. I. 15].

Мне представляется, что на огромной и разноразнообразной территории Закавказья и Передней Азии следы боевых («полевых») столкновений первой волны киммерийцев

(конца VIII – 1-й четверти VII в. до н.э.) с армиями Урарту и Ассирии найти будет крайне сложно. Ни один источник не указывает нам места подобных столкновений. Впрочем, есть хоть и косвенные, но все же важные свидетельства проникновения элементов материальной культуры предскифского времени Восточной Европы в закавказско-переднеазиатские регионы и обратно, хронологически согласующиеся с периодом киммерийских походов конца VIII – начала VII вв. до н.э. [Членова, 1984, с. 81, 82; Эрлих, 1994(1), с. 173; Махортых, 1994, с. 21, 22; 2000, с. 187–190, рис. 1].

Во всем переднеазиатском регионе мы уже несколько десятилетий оперируем только тремя погребальными «комплексами» (Норшун-Тепе, Имирлер, Амасья) разной степени достоверности: только один из них надёжно документирован [Hauptmann, 1983, S. 251–270, Taf. 54–56], но априори все объявлены кочевническими. Они содержат вещи, сходные или аналогичные с намного более многочисленными артефактами (и не только степными) юга Восточной Европы [Алексеев и др., 1993, с. 75–86; Иванчик, 2001, с. 21–57], традиционно считавшимися раннескифскими. Следует отметить, что некоторые черты погребального обряда и категорий инвентаря в Норшун-Тепе находят аналогии в предскифских комплексах юга Восточной Европы [Эрлих, 1991, с. 37–42; Вальчак, 2009(2), с. 28–41, табл. 1–2]. В Норшун-Тепе есть вообще не свойственные памятникам Восточной Европы находки (бронзовые витые удила, железные наконечники копий и боевой нож с цельной рукоятью), характерные для закавказско-переднеазиатских памятников [Иванчик, 2001, с. 24–34]. Это может быть свидетельством того, что некоторые категории вооружения и экипировки пришедшего воинского контингента из-за порчи или утраты в ходе военных действий могли быть заменены в Закавказье и Передней Азии местными функциональными аналогами (трофеями). Это отчасти объясняет наличие несомненных импортных категорий находок воинского и конского снаряжения или их реплик в позднейших предскифских памятниках Восточной Европы [Эрлих, 1991, с. 37–42; 1994(1), с. 169–175; Вальчак, 1993, с. 23–29; 2016(1), с. 28–41; 2016(2), с. 128–144; Вальчак и др., 2016, с. 61, 62, рис. 67; 68, 1].

Будь упомянутые выше переднеазиатские памятники киммерийскими или скифскими, что не так уж важно для рассматриваемой здесь темы, то о каких глобальных культурно-хозяйственных, этнокультурных и хронологических выводах можно говорить при такой мизерной выборке?

В жизни предскифских обществ Восточной Европы, по всей видимости в конце VIII в. до н.э., произошли существенные и достаточно стремительные изменения, которые вызвали массовое появление унифицированного конского снаряжения классического новочеркасского типа, а также новых форм мечей, кинжалов и наконечников стрел [Вальчак, 2005; 2009(1)]. В это же время наблюдается заметное увеличение использования железа для изготовления оружия и деталей конского снаряжения, связываемое с закавказским влиянием [Эрлих, 1999, с. 157–159]. Этот материальный комплекс (классический новочеркасский) стал доминирующим на всей территории Восточной Европы и практически полностью вытеснил из употребления более ранние формы вооружения и конского снаряжения. В количественном отношении предметы классического новочеркасского типа значительно превышают более ранние, что позволяет предполагать изменение социальной стратификации и существенное увеличение воинско-всаднического сословия на этом этапе.

Финальный период существования предскифских памятников на юге Восточной Европы маркируется появлением абсолютно новых форм вооружения и конского снаряжения, свойственных, как считается, скифскому времени. Известны несколько ярких комплексов, в которых присутствуют как жаботинские, так и классические новочеркасские формы и их синкретические воплощения. Количество таких смешанных комплексов постоянно увеличивается. Учитывая, что памятники «келермесского круга» отражают уже

«послепоходную» материальную культуру скифов [Галанина, 1983, с. 44, 53; Петренко, 1983, с. 43, 44; Алексеев, 1992, с. 83], то считаются «допоходными» могут только привнесённые в Восточную Европу, совершенно чуждые местной классической новочеркасской традиции, жаботинские комплексы вооружения и конского снаряжения (здесь нельзя путать и полностью синхронизировать с ними характерный для лесостепи керамический комплекс «жаботинского типа»). Появление наиболее ранних жаботинских воинских памятников фиксируется в основном только в тех районах Восточной Европы, где отмечается и наибольшее сосредоточение памятников с классическими новочеркасскими формами вооружения и конского снаряжения. Это Северо-Западный Кавказ, Центральное Предкавказье (Кабардино-Пятигорье) и лесостепное Среднее Поднепровье.

Поскольку известно, что скифам в Восточной Европе непосредственно предшествовали киммерийцы, то собственно «киммерийскими» можно считать только памятники классического новочеркасского хронологического пласта в том случае если жаботинские воинско-всаднические комплексы мы будем считать принадлежащими «допоходным» скифам.

Киммерийцы, скорее всего, являлись объединением довольно значительного числа различных народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Выступавшие под именем киммерийцев и скифов племена воспринимались народами Закавказья и Передней Азии как отличающиеся по каким-то признакам от местного населения и друг от друга. Видимо, по уровню вооруженности и тактике военных действий отряды воинов-всадников киммерийцев и скифов были в каком-то отношении близки, поэтому и рассматривались как одинаково опасные противники. Народам Закавказья и Передней Азии киммерийцы стали известны раньше, чем скифы. На начальном этапе появления скифов в этом регионе их определённо отличали и никогда не путали с киммерийцами [Иванчик, 1996 с. 90–97; 2001, с. 18–20].

Чем же они могли различаться? Во-первых, можно предположить существенные визуальные антропологические или определявшие на слух лингвистические особенности речи двух народов, чему у нас нет подтверждений, да и вряд ли когда-либо будут. Во-вторых, оба эти народа населением Передней Азии визуально воспринимались различно, видимо, первоначально обладая отличиями в деталях костюма воинов-всадников, вооружения и конского снаряжения, которое в последующем постепенно унифицировалось и пополнялось некоторыми новациями, характерными для культуры регионов их военных действий.

Нет никаких оснований, как это представляют себе некоторые исследователи, безоговорочно именовать кочевниками всех носителей предскифской материальной культуры классического новочеркасского типа [Иванчик, 2001, с. 14, 20]. Памятники этого типа были найдены и в тех географических зонах, где кочевой тип хозяйства просто невозможен.

Единственным в Восточной Европе количественно и качественно сравнимым с раннескифским (келермесским) горизонтом памятников является классический новочеркасский комплекс вооружения и конского снаряжения, который непосредственно предшествует жаботинскому и келермесскому, обычно считающимся раннескифскими. Позднейшее предскифское время, а это период существования третьей группы уздечных комплектов (классического новочеркасского типа), новочеркасских наконечников стрел, некоторых типов биметаллического и железного клинкового оружия, определяется в рамках конца VIII – первой половины VII в. до н.э.). В воинско-всадническом наборе классического новочеркасского комплекса отчётливо видны реплики некоторых закавказско-переднеазиатских категорий снаряжения (шлемы, панцири, цельнолитые удила). Жаботинский материальный комплекс очевидно связан с восточными регионами Евразии (типы наконечников стрел, удила, псалиев, клевцы, зооморфные украшения), но имеет и закавказско-переднеазиатские заимствования (кинжалы, панцири). Классический новочеркасский культурный комплекс

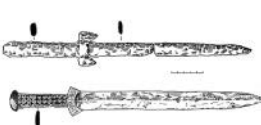
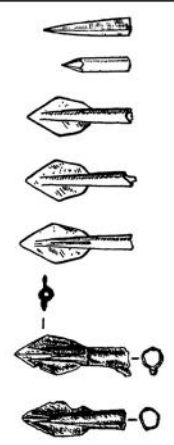
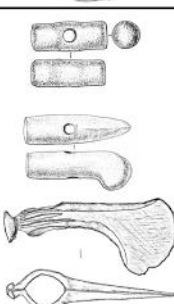
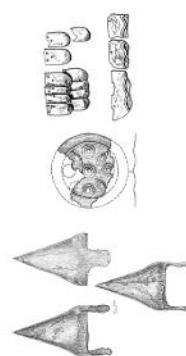
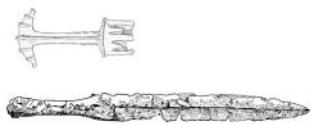
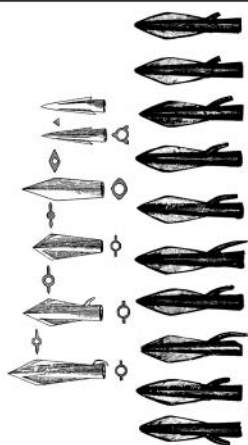
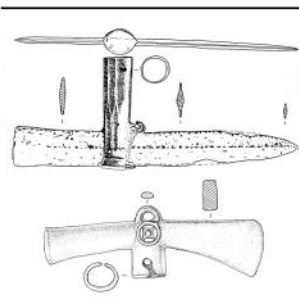
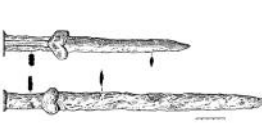
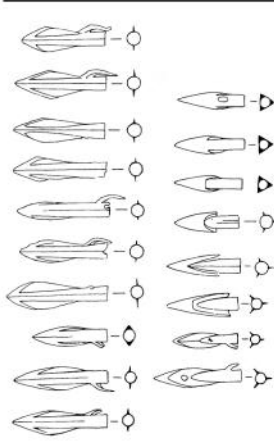
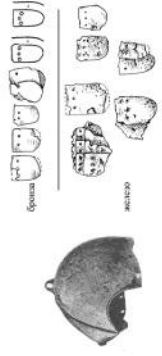
этап	клинковое	метательное	ударно-рубящее	защитное
нововочеркасский классический				
жаботинский				
келермесский				

Рис. 1. Характерные типы вооружения на различных этапах начала раннего железного века в Восточной Европе.

Fig. 1. Characteristic types of weapons at various stages of the Early Iron Age in Eastern Europe.

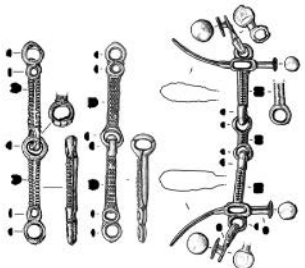
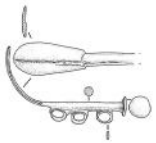
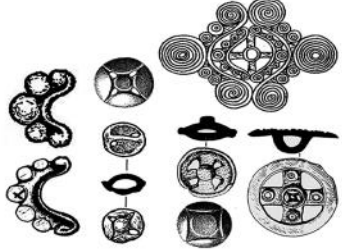
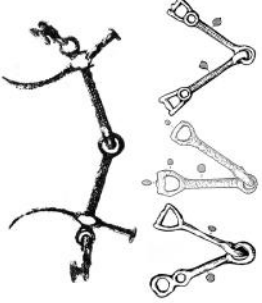
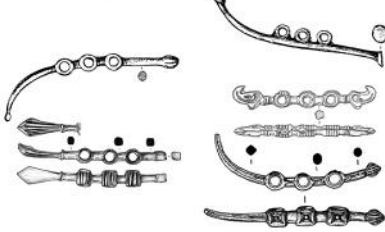
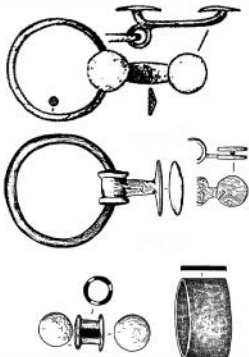
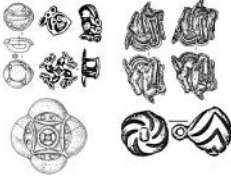
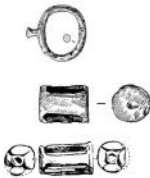
этап	удила	псалии	тягловая упряжь	украшения упряжи
к л а в о ч а с с и ч е с с к и й				
ж а б о т и н с к и й				
к е л с р м е с с к и й				

Рис. 2. Характерные типы узды, тягловой упряжи и их украшений на различных этапах начала раннего железного века в Восточной Европе.

Fig. 2. Characteristic types of bridles, draft harnesses and their decorations at various stages of the Early Iron Age in Eastern Europe.

вооружения и конского снаряжения на своей заключительной стадии определённо сосуществует с жаботинским, видимо, в рамках первой четверти VII в. до н.э. (680–676 гг. до н.э.). Жаботинские комплексы в чистом виде (Жаботин, курган 524), без классической новочеркасской «примеси», на юге Восточной Европы практически не встречаются (рис. 1; 2). Соответственно, носители классического новочеркасского и жаботинского воинско-всаднического материального комплекса могли бы быть отождествлены с историческими киммерийцами на разных временных отрезках.

Некоторое крайне непродолжительное время, вероятно, эти (уже смешанные) памятники могли сосуществовать и с памятниками келермесского типа, в которых имеются их многочисленные рудименты (наконечники стрел, удила, псалии), причём в одних и тех же регионах юга Восточной Европы, но надёжных археологических доказательств этому пока нет. «Келермесский комплекс» отделён от «классического новочеркасского» отчетливо заметными различиями в типах упряжи, метательного и колюще-режущего оружия (рис. 1; 2). Исходя из этого, время существования классических новочеркасских (киммерийских) памятников может быть определено неполными 40 годами: несколько ранее 714 г. до н.э. – времени первого упоминания киммерийцев и до появления имени скифов в переднеазиатских источниках (около 676–674 гг. до н.э.). Если принять предшествующее этой дате несколько более раннее и относительно недолгое появление скифов в Восточной Европе, т.е. около конца первой четверти VII в. до н.э. [Эрлих, 1994(2); Дударев, 1999, с. 169; Вальчак, 2000; 2016(1), с. 38, 39; 2016(2), с. 141], то эта гипотеза представляется мне наиболее вероятной. И если рассматривать в качестве «допоходного раннескифского» именно жаботинский комплекс вооружения и упряжи, довольно скромный количественно в сравнении с классическим новочеркасским и келермесским, то его датировка только в рамках 1-й четверти VII в. до н.э. выглядит весьма правдоподобной.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

РАНИОН – Российская ассоциация научных институтов общественных наук

RANION – Russian Association of Scientific Institutes of Social Sciences

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алексеев А.Ю. *Скифская хроника (Скифы в VII–VI вв. до н.э.: историко-археологический очерк)*. СПб.: Петербургкомстат, 1992 [Alekseev A.Yu. *The Scythian Chronicle (the Scythians in the 7th – 4th centuries BC: the Historical and Archaeological Sketch)*. St. Petersburg: Peterburgkomstat, 1992 (in Russian)].

Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. *Киммерийцы: этнокультурная принадлежность*. СПб.: ИИИ «Ермаков», 1993 [Alekseev A.Yu., Kachalova N.K., Tokhtasyev S.R. *The Cimmerians: Ethnocultural Affiliation*. St. Petersburg: I.I.I. “Yermakov”, 1993 (in Russian)].

Артамонов М.И. К вопросу о происхождении скифов. *Вестник древней истории*. 1950. № 2. С. 37–47 [Artamonov M.I. On the Question of the Origin of the Scythians. *Journal of Ancient History*. 1950. No. 2. Pp. 37–47 (in Russian)].

Артамонов М.И. *Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.)*. Л.: Издательство ЛГУ, 1974 [Artamonov M.I. *Cimmerians and Scythians (From Their Appearance on the Historical Arena to the End of the 4th Century BC)*. Leningrad: Leningrad University Publ., 1974 (in Russian)].

Вайнштейн С.И. Кочевничество. *Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов*. Вып. 3. Под ред. С.А. Арутюнова. М.: Наука, 1989. С. 72–76 [Weinstein S.I. Nomadism. *Material Culture. A Set of Ethnographic Concepts and Terms*. Iss. 3. Ed. by S.A. Arutyunov. M.: Nauka, 1989. Pp. 72–76 (in Russian)].

Вальчак С.Б. О некоторых цельнолитых уздечных комплектах предскифского времени на юге Восточной Европы. *Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг. Материалы семинара по скифо-сарматской археологии*. Отв. ред. Ю.Л. Шапова, И.В. Яценко. М.: Издательство Московского университета, 1993. С. 23–29 [Valchak S.B. On Some Solid Bridle Sets of the Pre-Scythian Time in the South of Eastern Europe. *Grakov's Readings at the Department of Archeology of Moscow State University 1989–1990. Materials of the Seminar on Scythian-Sarmatian Archeology*. Ed. Yu.L. Shchapova, I.V. Yatsenko. Moscow: MSU, 1993. Pp. 23–29 (in Russian)].

Вальчак С.Б. Основные мотивы орнаментации уздечных принадлежностей юга Восточной Европы в начале раннего железного века. *Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология*. Отв. ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: Институт археологии РАН, 2000. С. 138–144 [Valchak S.B. The Main Motifs of the Ornamentation of Bridle Accessories in the South of Eastern Europe at the Beginning of the Early Iron Age. *Scythians and Sarmatians in the 7th–3rd Centuries BC: Paleoeconomy, Anthropology and Archeology*. Eds. V.I. Gulyaev, V.S. Olkhovsky. Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 2000. Pp. 138–144 (in Russian)].

Вальчак С.Б. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов и мечей предскифского периода. *Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья*. Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: Институт археологии РАН, 2005. С. 138–160 [Valchak S.B. Classification, questions of origin, development and chronology of some daggers and swords of the pre-Scythian period. *The Antiquities of Eurasia: from the Early Bronze Age to the Early Middle Ages*. Ed. V.I. Gulyaev. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. 2005. Pp. 138–160 (in Russian)].

Вальчак С.Б. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. М.: Таус, 2009(1) [Valchak S.B. *Horse Gear in the First Third-Part of the 1st Millennium BC in the South of Eastern Europe*. Moscow: Taus, 2009(1) (in Russian)].

Вальчак С.Б. Предскифские колесницы Восточной Европы: назначение деталей упряжи, виды запряжек, вооружение. *Историко-археологический альманах*. Вып. 9. Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; Краснодар; Москва: ИА РАН, 2009(2). С. 28–41 [Valchak S.B. Pre-Scythian Chariots of Eastern Europe: Assignment of Parts of the Harness, the Types of Harness, Weapons. *Historical and Archaeological Almanac*. Vol. 9. Ed. R.M. Munchaev. Armavir – Krasnodar – Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 2009(2). Pp. 28–41 (in Russian)].

Вальчак С.Б. Предскифская археология Восточной Европы и некоторые памятники Закавказья. *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы международной научной конференции, посвященной памяти М.Н. Погребовой*. Отв. ред. А.С. Балахванцев, С.В. Кулланда. М.: Институт востоковедения РАН, 2016(1). С. 28–41 [Valchak S.B. Pre-Scythian Archaeology of Eastern Europe and Some Archaeological Sites of Transcaucasia. *The Caucasus and the Steppes in the Late Bronze Age – Early Iron Age: Proceedings of the International Scholarly Conference Dedicated to the Memory of M.N. Pogrebova*. Eds. A.S. Balakhvantsev, S.V. Kullanda. Moscow: Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, 2016(1). Pp. 28–41 (in Russian)].

Вальчак С.Б. Бронзовые кованые шлемы предскифского периода на Кавказе. *Revista Archeologică*. Serie nouă. Vol. XII. No. 1–2. Chişinău, 2016(2). С. 128–144 [Valchak S.B. Bronze Forged Helmets of the Pre-Scythian Period in the Caucasus. *Revista Archeologică*. New Series. Vol. 12. No. 1–2. Chişinău, 2016(2). Pp. 128–144 (in Russian)].

Вальчак С.Б. Новочеркасский клад 1939 г. – эпонимный памятник предскифского периода. *Древности, исследования, проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова*. Ред. В.С. Синика, Р.А. Рабинович. Кишинёв; Тирасполь: Приднестровский государственный университет, 2018. С. 137–146 [Valchak S.B. Novocherkassk Hoard of 1939 – an Eponymous Archaeological Site of the Pre-Scythian Period. *Antiquities, Research, Problems. Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of N.P. Tel'nov*. Eds. V.S. Sinika, R.A. Rabinovich. Chisinau; Tiraspol: Pridnestrovian State University, 2018. Pp. 137–146 (in Russian)].

Вальчак С.Б., Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., Эрлих В.Р. *Кубанский могильник. Материалы раскопок Н.В. Анфимова 1965 года*. М.: Краснодарский государственный музей; Институт археологии РАН;

Государственный музей Востока, 2016 [Valchak S.B., Pyankov A.V., Khachaturova E.A., Ehrlich V.R. *Kuban Burial Ground. Materials of the Excavations of N.V. Anfimov in 1965*. Moscow: Krasnodar State Museum; Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences; State Orient Museum, 2016 (in Russian)].

Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. 1983. Вып. 24. С. 32–55 [Galanina L.K. Early Scythian Bridle (Based on the Materials of the Kelermess Barrows). *Archaeological Collection of the State Hermitage Museum*. 1983. Iss. 24. Pp. 32–55 (in Russian)].

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. *Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г.* Т. I. М., 1905(1). С. 198–210 [Gorodtsov V.A. The Results of Archaeological Research in the Izyum District. *Proceedings of the XIIth Archeological Congress in Kharkov, 1902*. Vol. I. Moscow, 1905(1). Pp. 198–250 (in Russian)].

Городцов В.А. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда, Харьковской губернии. *Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г.* Т. I. М., 1905(2). С. 220–250 [Gorodtsov V.A. Materials of Archaeological Research on the Banks of the Donets River, Izyum District, Kharkov Region. *Proceedings of the 12th Archaeological Congress in Kharkov, 1902*. Vol. I. Moscow, 1905(2). Pp. 220–250 (in Russian)].

Городцов В.А. *Бытовая археология. Курс лекций*. М.: Издание Московского Археологического института, 1910 [Gorodtsov V.A. *Household archaeology. Course of lectures*. Moscow: Moscow Archaeological Institute, 1910 (in Russian)].

Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре. *Труды секции археологии РАНИОН*. Т. II. М., 1928. С. 46–60 [Gorodtsov V.A. On the Question of the Cimmerian Culture. *Proceedings of the Section of Archeology of the RANION*. Vol. II. Moscow, 1928. Pp. 46–60 (in Russian)].

Граков Б.М. *Скифы*. Київ: АН УРСР, 1947 [Grakov B.M. *Scythians*. Kyiv: AN URSR, 1947 (in Ukrainian)].

Граков Б.Н. *Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы)*. М.: Изд-во Московского университета, 1977 [Grakov B.N. *The Early Iron Age (Cultures of Western and South-Eastern Europe)*. Moscow: Moscow University Publ., 1977 (in Russian)].

Дударев С.Л. *Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.)*. Армавир: Международная академия информатизации, 1999 [Dudarev S.L. *The Relationship of the Tribes of the North Caucasus With the Nomads of South-Eastern Europe in the Pre-Scythian Era (9th – the First Half of the 7th Century BC)*. Armavir: International Informatization academy, 1999 (in Russian)].

Ельницкий Л.А. Киммерийцы и киммерийская культура. *Вестник древней истории*. 1949. № 3. С. 14–26 [Yelnitsky L.A. Cimmerians and Cimmerian Culture. *Journal of Ancient History*. 1949. No. 3. Pp. 14–26 (in Russian)].

Ельницкий Л.А. *Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк*. Новосибирск: Наука, 1977 [Yelnitsky L.A. *Scythia of the Eurasian Steppes. Historical and Archaeological Essay*. Novosibirsk: Nauka, 1977 (in Russian)].

Иванчик А.И. *Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н.э.* М.: Институт всеобщей истории, 1996 [Ivanchik A.I. *Cimmerians. Ancient Eastern Civilizations and Steppe Nomads in the 8th–7th Centuries BC*. Moscow: Institut vseobschey istorii, 1996 (in Russian)].

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. *Степные народы Евразии*. Т. II. Под. ред. А.И. Иванчика, Г. Парцингера. М.: Палеограф, 2001 [Ivanchik A.I. Cimmerians and Scythians. Cultural-Historical and Chronological Problems of Archeology of the Eastern European Steppes and the Caucasus of the Pre- and Early Scythian Time. *Steppe Peoples of Eurasia*. Vol. II. Eds.: A.I. Ivanchik, H. Parzinger. Moscow: Paleograf, 2001 (in Russian)].

Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1930 г.). *Советская археология*. 1953. Т. XVIII. С. 40–110 [Iessen A.A. On the

Question of Sites of the 8th–7th Centuries BC in the South of the European Part of the USSR (Novocherkassk Hoard of 1939). *Soviet Archaeology*. 1953. Vol. 18. Pp. 49–110 (in Russian)].

Иессен А.А. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе. *Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.)*. М.: АН СССР, 1954. С. 112–131 [Iessen A.A. Some Sites of the 8th–7th Centuries BC in the North Caucasus. *Questions of Scythian-Sarmatian Archeology (On the Materials of the Conference of the IIMK of the USSR Academy of Sciences in 1952)*. Moscow: AN SSSR, 1954. Pp. 112–131 (in Russian)].

Крупнов Е.И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. *Учёные записки Кабардинского НИИ*. Т. V. Нальчик, 1950. С. 195–273 [Krupnov E.I. Archaeological Research in the Kabardian ASSR in 1948. *Scientific Notes of the Kabardian Research Institute*. Vol. V. Nalchik, 1950. Pp. 195–273 (in Russian)].

Крупнов Е.И. Киммерийцы на Северном Кавказе (по археологическим данным). Древние племена и народности Кавказа. *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1958. № 68. С. 176–195 [Krupnov E.I. Cimmerians in the North Caucasus (According to Archaeological Data). Ancient Tribes and Nationalities of the Caucasus. *Materials and Research on the Archaeology of the USSR*. 1958. No. 68. Pp. 176–195 (in Russian)].

Кузнецова Т.М. Были ли киммерийцы кочевниками? *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М.П. Абрамовой. Материалы и исследования по археологии России*. 2007. № 8. Отв. ред.: В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. М.: Таус, 2007. С. 209–234 [Kuznetsova T.M. Were the Cimmerians Nomads? *The North Caucasus and the World of Nomads in the Early Iron Age. Collection of the Memory of M.P. Abramova. Materials and Research on the Archeology of Russia*. 2007. No. 8. Eds.: V.I. Kozenkova, V.Yu. Malashev. Moscow: Taus, 2007. Pp. 209–234 (in Russian)].

Марков Г.Е. *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации*. М.: Издательство МГУ, 1976 [Markov G.E. *Nomads of Asia. The Structure of the Economy and Public Organization*. Moscow: MSU, 1976 (in Russian)].

Махортых С.В. О культурно-хронологической интерпретации памятников типа новочеркасского клада. *Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов и сообщений*. Омск, 1987. С. 163–166 [Makhortykh S.V. On the Cultural and Chronological Interpretation of Sites Such as the Novocherkassk Hoard. *Historical Readings in Memory of M.P. Gryaznov. Abstracts of Reports*. Omsk, 1987. Pp. 163–166 (in Russian)].

Махортых С.В. *Киммерийцы на Северном Кавказе*. Киев: Шлях, 1994 [Makhortykh S.V. *Cimmerians in the North Caucasus*. Kyiv: Shliakh, 1994 (in Russian)].

Махортых С.В. Об актуальных вопросах раннескифской археологии. Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. Отв. ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 186–193 [Makhortykh S.V. On Topical Issues of Early Scythian Archeology. *Scythians and Sarmatians in the 7th–3rd Centuries BC: Paleoecology, Anthropology and Archeology*. Eds.: V.I. Gulyaev, V.S. Olkhovsky, M.: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 2000. Pp. 186–193 (in Russian)].

Медведская И.Н. Конец Урарту: новые факты и гипотезы. *Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского (к 90-летию со дня рождения). Тезисы докладов*. СПб., 1998. С. 61–63 [Medvedskaya I.N. The End of Urartu: New Facts and Hypotheses. *Hermitage Readings in Memory of B.B. Piotrovsky (to the 90th Anniversary of His Birth). Abstracts of Reports*. St. Petersburg, 1998. Pp. 61–63 (in Russian)].

Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. 1983. Вып. 23. С. 43–48 [Petrenko V.G. Scythian Culture in the North Caucasus. *Archaeological Collection of the State Hermitage Museum*. 1983. Iss. 23. Pp. 43–48 (in Russian)].

Погребова М.Н., Раевский Д.С. *Ранние скифы и Древний Восток: к истории становления скифской культуры*. М.: Наука, 1992 [Pogrebova M.N., Rayevsky D.S. *The Early Scythians and the Ancient East: Towards the History of the Formation of the Scythian Culture*. Moscow: Nauka, 1992 (in Russian)].

Ростовцев М.И. *Эллинизм и иранство на юге России*. Петроград: Ogni, 1918 [Rostovtsev M.I. *Hellenism and Iranism in the South of Russia*. Petrograd: Ogni Publ., 1918 (in Russian)].

Ростовцев М.И. *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических*. Л.: Российская академия истории материальной культуры, 1925 [Rostovtsev M.I. *Scythia and Bosphorus. Critical Review of Literary and Archaeological Sites*. Leningrad: RAIMK, 1925 (in Russian)].

Скорый С.А. *Киммерийцы в Украинской лесостепи*. Киев – Полтава: Издательский центр «Археология», 1999 [Skory S.A. *Kimmerians in the Ukrainian Forest-Steppe District*. Kyiv – Poltava: Publishing Center “Archaeology”, 1999 (in Russian)].

Смирнов А.П. *Скифы*. М.: Наука, 1966 [Smirnov A.P. *Scythians*. M.: Nauka, 1966 (in Russian)].

Тереножкин А.И. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка, 1976 [Terenzhkin A.I. *The Cimmerians*. Kyiv: Naukova dumka, 1976 (in Russian)].

Членова Н.Л. *Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа)*. Новосибирск: Наука, 1984 [Chlenova N.L. *Deer Stones as a Historical Source (on the Example of Deer Stones of the North Caucasus)*. Novosibirsk: Nauka, 1984 (in Russian)].

Эрлих В.Р. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья. *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. Ред. А.П. Абрамов и др. М.: Государственный музей искусства народов Востока, 1991. С. 31–48 [Ehrlich V.R. Bronze Bridle Sets and the Problem of Chronology of the Pre-Scythian and Early Scythian Time of Zakuban. *Antiquities of the North Caucasus and the Black Sea Region*. Eds.: A.P. Abramov et al. Moscow: State Museum of Art of the Peoples of the East, 1991. Pp. 31–48 (in Russian)].

Эрлих В.Р. В защиту традиции о причерноморском происхождении киммерийцев. *Вестник древней истории*. 1994(1). № 3. С. 168–176 [Ehrlich V.R. In Defense of the Tradition of the Black Sea Origin of the Cimmerians. *Journal of Ancient History*. 1994(1). No. 3. Pp. 168–176 (in Russian)].

Эрлих В.Р. *У истоков раннескифского комплекса*. М.: Государственный музей Востока, 1994(2) [Ehrlich V.R. *At the Origins of the Early Scythian Complex*. Moscow: State Orient Museum, 1994(2) (in Russian)].

Эрлих В.Р. Переход к железному веку на Северо-Западном Кавказе. *60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тезисы докладов*. М.: Московский государственный университет, 1999. С. 157–159 [Ehrlich V.R. Transition to the Iron Age in the North-Western Caucasus. *60 years of the Department of Archaeology of the Lomonosov Moscow State University. Abstracts*. Moscow: MSU, 1999. Pp. 157–159 (in Russian)].

Эрлих В.Р. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников*. М.: Наука, 2007 [Ehrlich V.R. *The North-Western Caucasus at the Beginning of the Iron Age: the Proto-Meothic Group of Sites*. Moscow: Nauka, 2007 (in Russian)].

Яценко И.В. Набор вещей позднего предскифского периода в киммерийском комплексе В.А. Городцова. *Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи*. Ред. О.Б. Супруненко. Полтава: Издательский центр «Археология», 1996. С. 60–66 [Yatsenko I.V. A Set of Things of the Late Pre-Scythian Period in the Cimmerian Complex of V.A. Gorodtsov. *Belsk Fortress in the Context of Studying the Monuments of the Early Iron Age of Europe*. Ed. O.B. Suprunenko. Poltava: Publishing Center “Archaeology”, 1996. Pp. 60–66 (in Russian)].

Hauptmann H. Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien. *Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien*. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1983. S. 251–270.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАЛЬЧАК Сергей Борисович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН; доцент Российского Государственного социального университета, Москва, Россия.

Sergey B. VALCHAK, PhD (History), Research Fellow, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Russian State Social University, Moscow, Russia.